

УДК 34.023

Фролов Алексей Анатольевич

преподаватель кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России
ajeduc@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются особенности становления личности как субъекта правового сознания в России периода XX – начала XXI в. Раскрывается специфичность правовой социализации личности в современном российском обществе в ходе эксперимента, проведенного М.И. Воловиковой совместно с О.П. Николаевой.

Ключевые слова: личность, нравственность, правосознание, закон, самооценочность, субъект.

Соотношение нравственного и правового в сознании личности изменялось в течение всего периода существования человечества. Обычаи и традиции изначально определяли и ограничивали поведение человека, но с развитием общественных отношений и науки потребовался более совершенный способ воздействия на сознание людей, каким и оказался закон, включающий в себя нормы дозволенного и запретного. Закон и правопорядок сами по себе не исключали нравственность и призваны были ее дополнять, но правовые нормы на любом этапе исторического развития всегда были выше моральных и зачастую противоречили им. История XX в. служит ярким примером нарушения юридических прав в России, где нравственности и правовому сознанию граждан устраивался суровый экзамен.

Картина здорового и гармоничного правосознания воссоздается в работах И.А. Ильина. Его огромное наследие только недавно начало публиковаться на Родине, потрясая и убеждая подчас пророческим предвосхищением хода событий в России после неизбежного (в этом Ильин никогда не сомневался) краха коммунизма: «Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина – не будет вовсе. <...> Конечно, вынырнет перекарасившийся коммунист, награвивший и припрятавший <...>. Государственный центр, ограбивший всех, исчезнет, но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, на-

Frolov Alexey Anatolevich

Lecturer of the Department of Psychology
and Pedagogics of Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ajeduc@mail.ru

PERSONALITY AS THE SUBJECT OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS

In the article features of formation of personality as the subject of legal consciousness in Russia during the period of the XXth and the beginning of the XXIst century are considered. Specific character of legal socialization of personality in the modern Russian society has been revealed during the joint experiment carried out by M.I. Volovikova and O.P. Nikolaeva.

Key words: personality, morals, sense of justice, law, self-value, subject.

грабленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно-цветущем виде... Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться внешними врагами, и “своими” предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию» [1, с. 38-39].

В своих трудах Ильин восстанавливает образ неразрушенного, цельного правосознания, которое берет начало в наследии той, прежней России: без изменяющих смысл содержания школьных учебников с перепечатанными вновь листами отечественной истории. В произведениях Ильина четко выделяется образ человека как субъекта правового и нравственного сознания – в таком ярком и прямом выражении образ у нас почти исчезнувший, либо сохранившийся вопреки всему. «Правосознание есть как бы легкое, которым каждый из нас вдыхает и выдыхает атмосферу взаимного общения. Пренебрегать этим орудием или органом – просто непозволительно» [2, с. 251]. Ильин называл правосознание творческим источником права, живым органом правопорядка и политической жизни. Он писал: «Нет человека без правосознания; но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Этот духовный орган необходим человеку, он участвует так или иначе во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступления, ибо слабое, уродливое, продажное, рабское, преступное правосознание остается правосознанием, хотя его душевно-духовное строение оказывается неверным, а его содержание и мотивы – ложными и дурными» [3, с. 251].

Мысли Ильина глубоко психологичны и позволяют приблизиться к пониманию глубинных оснований субъектности правосознания. «Творческий источник права пребывает во

внутреннем мире человека; и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к внутреннему миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека» [4, с. 252]. Без субъекта законы остаются внешней силой, способной воздействовать только путем принуждения и репрессивных мер, причем, по мысли Ильина, закон своим специфическим образом должен преломиться в сознании и судьбе, и исполнителя, и самого гражданина. «В качестве рядового подчиненного гражданина он должен принять закон в свое правосознание и включить приказы, запреты и позволения, содержащиеся в законе, в процесс мотивации своего поведения» [5, с. 253]. Закон не всегда бывает совершенен и справедлив, однако пока он не отменен, то должен применяться и соблюдаться по римской формуле «суров закон, но он закон». «Это есть единственное средство поддерживать правопорядок в стране, укреплять его и не отдавать его в жертву произволу, личной корысти и случайности» [6, с. 253].

Катастрофой для существования всего государства является неразвитое правосознание его граждан. Сфера правосознания традиционно относится к юридическим дисциплинам, но в той своей части, которая называется «личностные представления о праве» и находится в ведении психологии. Только через личность право обретает существование в конкретной общественной среде.

Суть «эксперимента», совершенного в нашей стране, состояла в том, чтобы с помощью внешних сил и принуждения заставить людей изменять духовно-нравственному закону. Однако внешние причины могут действовать лишь через совокупность внутренних условий (С.Л. Рубинштейн). Сохранность и поддержание нравственного состояния общества за счет внутренних ресурсов – конкретных личностей и опоры на совесть – такой вывод следует из рубинштейновского принципа детерминизма. Если личность может стать и оставаться субъектом моральной ответственности, то она вырабатывает внутреннюю инстанцию противостояния воздействиям среды. Это относится к нравственному закону совести.

Другое отношение к юридическому закону – слабая отечественная традиция становления и поддержания правосознания не могла выдержать удар по этому хрупкому образованию лавины нарушений законности на всех возможных направлениях. Отсюда напрашивается предположение о том, что в нравственной сфере смогло сохраниться и устоять от разрушающих влияний связанное с внутренним законом совести, с образами конкретных людей, ставших для других образцами нравственности. Правосознание могло со-

храниться также только с опорой на внутренний закон совести [7, с. 333].

Исследование, проведенное М.И. Воловиковой совместно с О.П. Николаевой [8], обнаружило специфичность моральной и правовой социализации в современном (1988-1993 г.) российском обществе. В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация идет через подражание принятым в обществе нормам и законам, у нас наблюдается либо «застревание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо через высший (по Колбергу и Тапп [9; 10]) этап морально-правового развития: опоры на высшие этические принципы и совесть. В дальнейшем ими проводилось несколько срезов с применением той же методики Тапп с интервалами в несколько лет (последнее по времени исследование датируется весной 2000 г.).

Первый этап сбора эмпирических данных был проведен О.П. Николаевой в 1988-1989 гг. – 100 студентов Курского пединститута (приравненных по классификации Тапп к студентам колледжа) анонимно и в письменной форме ответили на вопросы анкеты. Анонимность в конце 1980-х гг. была единственным способом получения искренних ответов по теме «Право». В 1993-1996 гг. был проведен новый этап исследования. На вопросы анкеты ответили 100 студентов из Москвы и Смоленска. Среди них была организована группа доверительного общения, где ответы давались устно, в виде клинической беседы (в этом случае аргументация делалась более развернутой, высказывания – более откровенными). Весной 2000 г. М.И. Воловиковой и О.П. Николаевой было проведено исследование, в котором 124 взрослым (возраст в диапазоне от 19 до 73 лет, 73 женщины и 51 мужчина) была предъявлена анкета Тапп. Полученные на всех этапах проведения исследования ответы подвергались традиционному для данной методики анализу (т. е. определению уровня морально-правового развития по Колбергу и Тапп), а также контент-анализу и микросемантическому (по Брушлинскому [11]) анализу.

Из содержания исследования: «Реципиента просили указать свой пол и возраст и затем обращались к нему с такими словами: “Отвечьте, пожалуйста, на вопросы, соблюдая их очередность: Что такое правило (поведения)? Почему именно оно называется правилом? Что такое закон? Почему это является законом? Зачем нам законы? Может ли быть справедливым и правильным что-либо даже в том случае, если это не отражено в законе? Как это может быть? Что такое справедливый закон? Почему именно он справедлив? Что такое право? Какие права следует иметь людям? Почему? Какие права люди имеют? Что бы случилось, если бы не существовало законов? Почему люди долж-

ны следовать законам? Почему Вы следуете законам? В каком случае могут быть изменены законы? Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон? Если да, то какие это случаи?» Что означает выражение «быть правым»? «Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да, то как это может быть?» [12, с. 335].

Построение предложений относится к точности не столько перевода на другой язык, сколько того психологического содержания, которым наполнены одни и те же юридические понятия в разных государствах и культурах.

Для западного правосознания закон выступает реальной, действенной силой. Закон и права человека нужно знать, чтобы быстрее и успешнее ориентироваться в социальном мире. Эта тема вызывает интерес и активно обсуждается.

Совсем другая ситуация в России. Область закона вторгается в судьбу человека, как правило, при трагических обстоятельствах, от чего сама тема правопорядка очень часто соединена с травматическими переживаниями.

Как видно из результатов исследования М.И. Воловиковой и О.П. Николаевой в конце 1980-х гг. наблюдалась большая, чем ныне, скованность в ответах на вопросы о праве. Объяснения были куцыми, заинтересованных и искренних рассказов практически не встречалось, зато было много советских речевых штампов, которые ныне совершенно исчезли из употребления («ради интересов народа», «ради общего дела», «права человека закреплены Конституцией»). Один из таких штампов связан с воспитательной функцией закона, упоминавшейся нашими студентами конца 1980-х и совсем не упоминавшейся американцами. Стоит отметить, что наши современники (весна 2000 г.) ни разу не упомянули воспитательную функцию закона: сюжет масскульта типа «Неподдающиеся» (название одного из популярных советских фильмов воспитательного направления) исчез из употребления. Единственная по-настоящему искренняя тема 1980-х гг. – это закон как действующий и равно относящийся ко всем гражданам (по данным Николаевой, суммарно это 18% ответов [13, с. 109]), в то время как у американцев подобные аргументации не встречались вовсе [14].

Как и для наших соотечественников конца 1980-х, тема законности оказалась одной из самых болезненных; вырисовывалась картина слабой работы сознания над осмыслением законов, норм и правил поведения (наблюдались бедность используемых определений, слабая детализация). Однако сохранилась готовность изменять закон – вплоть до оправдания его нарушения.

Работы Дж. Тапп своим теоретическим основанием имеют концепцию морального развития Л. Колберга, изучавшего вслед за Пиаже опыт социального взаимодействия и выделившего шесть стадий морального развития, составляющих три уровня: 1-й – доконвенционный (где нормы – это нечто внешнее для человека, он им следует лишь под давлением авторитета или из-за страха наказания); 2-й – конвенционный (где конвенция – поддержание норм, желание соответствовать стереотипам, принятым в обществе, поддерживать отношения доверия, уважения и лояльности); 3-й – постконвенционный (этого уровня, по словам Колберга, достигает меньшинство взрослых и только после 20 лет; на высшей, 6-й стадии следование закону и нормам определяется внутренним законом, т.е. совестью). Таким образом, следование высшим этическим принципам является высшей, по Колбергу, стадией развития морали: только в случае, если закон противоречит принципам справедливости, равенства прав, человек имеет право действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Конкретизация этих уровней и стадий применительно к правовому сознанию выглядит, по Таппу, следующим образом. На 1-м уровне стоят те, кто утверждает: законы предупреждают преступность, обеспечивают физическую безопасность граждан, им следуют, подчиняясь власти или во избежание наказания; на 2-м – те, кто утверждает, что законы поддерживают социальный порядок. Ценность закона – в выполнении правильных ролей, в поддержании порядка, в оправдании ожиданий других. Считают, что даже в случае несправедливого закона требуется его выполнение до отмены законным путем. Следование законам необходимо во избежание хаоса и анархии. 3-й – «уровень законотворчества». Осознается различие между ценностями социального порядка и общечеловеческой этикой, между конкретными законами и принципами справедливости. Юридические законы выступают как выражение внутренних моральных принципов. Моральная ценность переносится в глубь личности.

Если исходить из уровневой концепции Колберга и Тапп, большинство наших соотечественников по вопросу о нарушении закона можно диагностировать как находящихся на 3-м уровне морального развития. Однако ответы на другие вопросы диагностируют 2-й или даже 1-й уровень. Очень «неприятный» вопрос вызывал подчас эмоциональный взрыв: «во-первых, смотря какому закону следовать, а во-вторых, я еще не полная идиотка, чтобы забывать о себе как о человеке» (ж., 22 г.). Пример из мужской выборки: «Я стараюсь выполнять те законы, которые удобны мне и другим людям, а если эти

законы неудобны мне и другим людям, то я на них плюю и плевать буду» (м., 24 г.). Таким образом, исследователи пришли к выводу, что кроме указанного Колбергом доконвенционального уровня существует и додоконвенциональный. Это те случаи, когда закон по степени участия в жизни становится как бы несуществующим. Испытуемые начала 1990-х гг. вспоминали процессы над «врагами народа», говорились о необходимости солгать на суде, чтобы человека (например, «политического») не засудили (или даже не убили), при обращении к настоящему времени – о необходимости нарушения финансового закона: «Законы не идеальны, они могут не учесть какой-то наличной ситуации, например, когда предприятие с замечательными идеями в своей основе не может работать, так как для начала налоги слишком велики. Тогда надо как-то смухлевать с деньгами» (м., 20 лет) [14, с. 339].

Как и при решении любой мыслительной задачи, в процессе сопоставления условий и требований есть необходимость что-то оставить константным (неизменным), а что-то сделать психологической переменной – это то, что человек готов мысленно изменить. У нас такой переменной (кроме редких исключений) оказывается закон. Причем этот процесс может быть и вполне осознанным. Так, диагностический (по Тапп) вопрос: «Почему ты соблюдаешь закон?» мог переформулироваться искренним испытуемым: «Почему я не соблюдаю закон?» Зато у нас «не работал» диагностический прием Тапп: два вопроса о причинах соблюдения закона («Почему люди должны следовать закону?» и «Почему Вы следуете закону?»). Если испытуемые Тапп утверждали, что сами они следуют закону по аргументам более высокого порядка, чем другие люди, то у нас ни в одном из временных срезов такого явления обнаружено не было – естественное следствие из отсутствия отношения к закону как к ценности [15].

Вместе с тем стоит отметить, что и у нас в стране в каждом временном срезе присутствовали таинственные 10% ответов, в которых подчеркивалась самостоятельная ценность закона. По наблюдениям исследователей, общее соотношение лиц, заявляющих, что закон нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, остается практически неизменным и колеблется от 10 до 15% от общего числа отвечающих. Тогда исследователями было сделано предположение об определенном личностном инварианте такого отношения к закону. Дело в том, что заявления о самоценности закона в наших условиях, с нашим историческим опытом и т.д. практически необъяснимы. Если по поводу исследования конца 1980-х гг. можно предполагать наличие страха, привычки отвечать «как положено», то в начале 2000 г. подобные причины действовать не могут.

В проведенной работе отмечается, что аргументация за нарушение закона сама по себе производит сильное впечатление: «У нас вообще невозможно не нарушать закон; чаще всего нарушаешь и бываешь правым, хотя это трудно доказать» (ж., 21 г.). Отвечая на последние вопросы анкеты («Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да, то как это может быть?»), в 2000 г. использовалась такая аргументация:

– сложная экономическая ситуация («украсть хлеб для ребенка» – ж., 32 г.; «сейчас очень много людей малоимущих, которые по вине правительства остались безо всего, и у них просто нет другого выхода» – ж., 22 г.; «зайдите к своему бухгалтеру – он вам расскажет» – м., 25 л.);

– несовершенство самой правовой системы («если закон не является справедливым в конкретном случае» – ж., 21 г.; «если закон составлен неверно»; «законы пишут люди, а человек всегда может ошибаться, что-то не оговаривать, тем более не секрет, что один и тот же закон можно трактовать по-разному» – ж., 21 г.; «обычно законы в большей степени защищают чиновников, чем граждан» – м., 19 л.);

– противоречие юридического закона нравственному («у нас в России формальный закон не преобладает – это на Западе; у нас живут “по правде”, по неписаным нормам» – м., 21 г.; «когда человек защищает свой внутренний закон» – ж., 27 л.; «если поступок обусловлен морально-этическими нормами»);

– экстремальность ситуации (напомним, что у испытуемых Тапп встречается преимущественно такая аргументация).

Готовность подвергать сомнению сам закон, обсуждение причин, когда его можно нарушить «и при этом быть правым», позволяли Дж. Тапп говорить о достижении данными испытуемыми уровня законотворчества. Однако в условиях отечественного менталитета особенно интересны случаи утверждения самоценности закона. Вот некоторые из этих примеров: «потому что его нарушение приводит к нарушению в жизни не только того, кто его нарушил, но часто и в жизни другого человека» (ж., 23 г.); «потому что если не следовать законам, то это выходит за рамки системы, что ведет к развалу общества» (м., 24 г.); «чтобы не развалилось государство» (ж., 48 л.) [16, с. 340].

Доводы в сторону соблюдения закона, как видно из этих свидетельств, указывают на такой высокий уровень развития правового сознания, когда оно как в сложную систему включает в себя результат того или иного деяния, поступка для многих людей, для всего социума. Таким образом, основной характеристикой сознания как такового является качество его всеобщности, всеохватности. Соз-

вание, как писал Рубинштейн, это прежде всего выход из наличной ситуации, способность посмотреть на нее со стороны. В таком, как бы внешнем взгляде преодолевается конкретная включенность в обстоятельства и наличные условия жизни и открывается возможность приблизиться к сущности явления – в данном случае к сущности правопорядка. Случайное, несущественное перестает закрывать главное, существенное и становится только фоном. Происходит разделение самоценности закона как такового и вопиющих нарушений его в нашей истории.

Аналогичным образом, по наблюдениям М.И. Володиковой и О.П. Николаевой, происходит развитие правосознания. Только выявление (зачастую опытным и иногда трагичным путем) того факта, что закон действительно нельзя нарушать, создает условия, необходимые для становления личности как субъекта права. С мысленного согласия использовать закон в качестве психологической переменной начинается путь утраты субъектного. Такое утратное состояние можно иллюстрировать высказыванием: «В основном законы нужны им, чтобы нас ограничивать» (м., 28 л.).

В российских условиях закон становится внешним для людей, и они сами перестают быть субъектами права. Многие здесь связано с нарушением закона лицами, которые по своим профессиональным обязанностям должны его охранять. Реальность такова, что рассуждать, думать, анализировать на тему закона люди не особенно хотят (это не «их» область, а юристов, «они» решат). Но во всех случаях произвола властей отсутствует вера в справедливость законным путем – она достигается своими, отличными от закона, метода-

ми. Тема мести, по словам одного из испытуемых (м., 38 л.), появляется от чувства незащищенности. И тогда в качестве вершителя справедливости появляется образ «ворошиловского стрелка» (сюжет известного фильма о самосуде: «Мне кажется, что существует некая высшая справедливость в некоторых ситуациях – приблизительно как в фильме “Ворошиловский стрелок” – ж., 32 г.), вспоминается в качестве положительного образа граф Монте-Кристо (ж., 27 л.) [17, с. 342].

В ситуации мести человек продолжает оставаться субъектом своей жизни, но прекращает быть субъектом права. Он находится вне закона и над законом. В этом понимании месть и самосуд выступают упрощенным решением трудного жизненного положения без учета всех образующих его условий и требований. Месть ищет виновного вне человека, взявшего на себя роль судьи и исполнителя приговора, в то время как здоровое правосознание позволяет сконцентрироваться на реальных нарушениях духа закона, совершенных, возможно, и самим «самозванным судьей». Путь мести выступает воспроизведением все тех же неразрешимых противоречий на новом жизненном витке, тогда как путь здорового правосознания дарует условия выхода на духовно-нравственный уровень преодоления всего препятствия.

Таким образом, человек становится субъектом правового сознания тогда, когда принимает закон как необходимый к исполнению. Само правовое сознание находится в глубокой связи с нравственным сознанием, где совесть не только сигнализирует о нарушении нравственных норм, но также страдает от нарушения закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ильин И.А. Основы государственного устройства. М., 1996.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Брушлинский А.В., Володикова М.И. Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002.
8. Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
9. Kohlberg L. Moral stages and moralisation // Moral development and behaviour. Holt, 1977.
10. Tapp J. Legal socialisation across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. 1987.
11. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 1996.
12. Брушлинский А.В., Володикова М.И. Указ. соч.
13. Николаева О.П. Указ. соч.
14. Брушлинский А.В., Володикова М.И. Указ. соч.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.